

К проблеме датировки поздних ойратских текстов на основе палеографического и графико-орфографического описания (по архивным материалам Республики Калмыкия)

Dating the Late Oirat Texts Through Paleographic and Orthographic Descriptions (Evidence from Kalmykia's Archival Materials): the Problem Revisited

*Д. Н. Музраева (D. Muzraeva)*¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: deliash@mail.ru
Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Head of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: deliash@mail.ru

Аннотация. Автор статьи обращается к проблеме датировки поздних ойратских текстов (списков, копий), составленных калмыцкими буддийскими священнослужителями. В вопросах датировки исследователи обращаются в первую очередь к данным послесловий (колофонов) текстов.

В статье показывается, что для датирования поздних текстов можно прибегнуть к различным косвенным данным, которые имеют отношение к собственно тексту (пометы, маргинальные записи, указание о времени рецитации, списки членов семьи или рода и т. п.), а также к хранению того или иного списка (копии) в архивных фондах — время поступления, имя составителя описания, описи и т. п.

Время создания Зая-пандитой и его ближайшими учениками и последователями переводов известных буддийских сочинений в определенной степени поддается определению, установлению хронологических рамок. Поздние тексты, учитывая обстоятельства их создания, условия их хранения, отсутствие каких-то дат, весьма сложно датировать. Кроме внешних данных, одним из путей датировки текстов может быть анализ их языковых особенностей (лексических, графических, орфографических и др.).

Ключевые слова: буддизм, ойратское «ясное письмо», рукописи, священнослужители, датировка, колофоны.

Abstract. The article deals with the problem of dating some late Oirat texts (lists, copies) compiled by Kalmyk Buddhist clerics. In terms of dating, researchers first turn to the data contained in colophons (afterwords) of texts. In addition, one can resort to various indirect data relevant to the original text (field labels, notes on margins,

indication of the time of recitation, lists of family members, etc.), as well as those related to the storage of copies in archival funds — the time of receipt, the name of the description compiler, inventory number, etc.

The time when Zaya Pandita and his closest disciples and followers created translations of well-known Buddhist works can be well determined to a certain extent, chronological frameworks can be identified. But when it comes to later texts — with the vague circumstances of their creation, conditions of their storage, absence of any related dates - those are very difficult to date. One more means to cope with the task can be analysis of their linguistic characteristics (lexical, graphic, orthographic ones, etc.).

Keywords: Buddhism, Oirat texts, lists, copies, dating, paleographic and orthographic descriptions.

Письменное наследие Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) на протяжении четырех столетий продолжает оставаться объектом изучения ойратоведов и монголоведов. Время создания Зая-пандитой и его ближайшими учениками переводов известных буддийских сочинений в определенной степени поддается установлению хронологических рамок. В биографии Зая-пандиты ее составитель Раднабхадра указывает так: «от года тигра до года тигра» [Biography 1967: 8, 43, л. 9а; Раднабхадра 1999: 61–62; Номинханов 1976: 25; Норбо 1999: 53], что, скорее всего, можно расценивать как период с 1650 по 1662 г., при этом уточняется, что переводческая деятельность ойратского просветителя началась ранее — с 1642 г. [Лувсанбалдан 1975: 14–15]. Исследователи, писавшие о творчестве Зая-пандиты, касались и датировки его переводов [Бадмаев 1968; Кара 1972: 78–79; Лувсанбалдан 1975: 125; Михайлов 1977; Бадмаев 1981; Хүрэлбаатар 1995: 53; Сазыкин 1977: 134–140; 1988: 448–449; Яхонтова 1996: 13; Музраева 2013: 57].

Переводы Зая-пандиты, выполненные с тибетского языка на ойратский язык и записанные ойратским «ясным письмом» (*тодо бичг*), в последующие века получили широкое распространение в виде многочисленных копий и списков известных сочинений преимущественно канонического содержания. Эта традиция дошла до конца XIX в. Данные полевых исследований последних десятилетий свидетельствуют, что на всем протяжении XX в. образцы переводов Зая-пандиты, а также сочинения других авторитетных буддийских учителей, к примеру, послания (прорицания) (калм.

ээлдхл), принадлежащие представителю линии преемственности Джебцзун Дамба-хутухты, духовного главы буддистов Монголии [Гедеева 2011: 63–64; Музраева 2012б: 42–43], выступали объектом для размножения — создания копий (списков), эти сочинения тиражировались священнослужителями для последующего использования в совершении различных религиозных обрядов, а также для нужд верующих мирян. Рукописи подобного рода хранятся ныне в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК), Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН, фондах музеев и библиотек, а также в многочисленных частных собраниях Калмыкии, продолжают оставаться семейными реликвиями. Давая характеристику списков и копий буддийских сочинений, надо отметить, что объектом копирования (переписывания), как показывает практика описания коллекций сегодняшнего дня, могут выступать как рукописи, так и ксилографические издания [Лувсанбалдан 1970; Лувсанбалдан, Бадмаев 1970; Намжавин 2003; Түвшинтөгс 2015; Меняев 2016].

В научном архиве КалмНЦ РАН письменные источники представлены двумя коллекциями текстов преимущественно буддийского содержания. Одна из них включает материалы фонда 15, или фонда О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) (1887–1980), состоящего из личной библиотеки калмыцкого гелюнга, поступившей в архив КалмНЦ РАН уже после его кончины. Вторая коллекция — это коллекция редких рукописей, включающая письменные источники фонда 8. В нем сосредоточены письменные памятники, включая фотокопии и современные издания, поступившие от В. К. Артаева, Д. С. Сальмина, Э. У. Убушиева, А. Э. Борманжинов, Н. И. Кекеева, Н. Д. Кичикова, Н. Давурова, А. В. Бадмаева, Я. Л. Шодорова, Тэло Тулку Ринпоче. Примечательно, что в фонде 8 имеются письменные источники, подаренные институту (с 2016 г. — КалмНЦ РАН) О. М. Дорджиевым ранее, начиная с 1960-х гг. Среди этих текстов — ксилографическое издание «Сутры о мудрости и глупости» на тибетском языке [Dzan. 2], а также рукопись выполненного им ойратского перевода этой сутры, именуемого *Oülgurun dalai* ('Море притч') [Oülgurun dalai]. Примечательно, что в фонде 15 имеется еще один ксилограф на тибет-

ском языке [Dzan. 1]. Помимо этого, в 1987 г. фонд 8 пополнился монгольским ксилографом «Моря притч», изданным в Бурятии [Üliger-ün dalai]. Описание книг из собрания Тугмюд-гавджи было отражено в ряде публикаций [Чуматов 1983; Орлова 2002; Музраева 2001; 2003; 2006].

За последние десятилетия калмыцкими учеными проделана большая работа по изучению и изданию образцов текстов на *тодо бичг* как религиозного содержания, так и светской переписки. Что же касается вопроса распространения ойратской письменности в среде калмыцкого духовенства, начиная со времен Зая-пандиты и до XX столетия, то он по-прежнему остается открытым и в историографическом отношении освещен фрагментарно и недостаточно. Можно назвать несколько причин такого положения дел. Первая — плохая сохранность письменных источников как в количественном отношении (их число невелико), так и в качественном (состояние многих рукописей оставляет желать лучшего). Вторая — дисперсное хранение источников, их разбросанность по разным государственным и частным собраниям районов Республики Калмыкия и соседних регионов, где когда-то проживали калмыки. Третья причина может быть объяснена особенностями графического оформления рукописей, в особенности на поздних этапах бытования списков текстов, что создает сложности для их прочтения, перевода и интерпретации. Не случайно некоторым современным исследователям, обращающимся к подобным образцам текстов в качестве палеографов, видится в них лишь набор ошибок на уровне графики, орфографии, пунктуации и т. п. Не вызывает сомнения, что этот круг источников, даже несмотря на отход от классического «ясного письма», представляет собой ценный источник изучения истории буддизма у ойратов и калмыков, должен быть описан и введен в научный оборот как комплекс образцов традиционной книжности и письма. В этом вопросе важно не только дать описание всех случаев ошибочного написания тех или иных букв, слов, форм, но и предложить объяснение того, почему они столь многочисленны и почему они присутствуют в рукописях как факт. В этом вопросе хорошим руководством могли бы стать методические рекомендации относительно описания источников, разъяснения ошибок и т. п.

В данной статье мы рассматриваем проблему датировки поздних рукописей ойратских текстов, созданных калмыцкими буддийскими священнослужителями. При этом в первую очередь мы придаем важное значение в решении этой проблемы методам палеографического описания, предполагающего анализ материала, на котором выполнены рукописи, предусматривающего описание филиграней, оттисков, орудия письма (калам, перо, ручка, карандаш), особенности графики (почерков или стилей письма: полуустава, вязи, скорописи и т. п.), особенности внешнего оформления текстов (книг), их формат, наличие переплета и его описание, использование различных элементов оформления книг (орнамента, вязи, иллюстраций-миниатюр), наличие печатей, их описание и создание банка данных и т. д. в их историческом развитии. Наряду с этим, нам представляется важным в этом вопросе учитывать данные лингвистической составляющей текстов — орфографического оформления, которое следует описывать параллельно с описанием их графического оформления (графики). Одним из способов решения этого вопроса, на наш взгляд, может быть анализ и систематизация данных орфографического описания текстов как элемента каталогизации того или иного собрания или одной коллекции внутри собрания. Помимо этого, в этом вопросе могут помочь также данные графического описания текстов, при этом немаловажной является постановка вопроса о сборе, систематизации и анализе почерков, создании банка почерков, разработке формального аппарата их классификации и т. д.

Если попытаться классифицировать все виды ошибок и отступлений от графических норм и канонов, которые могут встречаться, то их можно распределить по следующим группам:

- 1) графические особенности. Здесь следует учитывать индивидуальные особенности почерка, факты своего рода перекодировки: изменение звуковых значений графем классического «ясного письма», использование своеобразных начертаний графем в конечной позиции слов, использование принципов скорописи или компрессии, когда опускаются штрихи, отражающие гласные в непервых слогах, особенно в поздних ойратских текстах, как в переводе Тугмюд-гавджи [Oülgurun dalai]. В результате, наряду с

традиционным графическим начертанием слов, мы имеем дело в текстах со смешанной графикой, когда скоропись проявляется в самых разнообразных случаях в написании не каких-то определенных слов или ряде слов, но и в пределах одного слова [Музраева 2012а: 172–174], наблюдаются и традиционное написание групп «согласная – гласная», и скорописное написание «согласная – согласная»;

2) орфографические особенности, которые, на наш взгляд, составляют наиболее сложную сферу изучения письменных памятников. Согласно Ц.-Д. Номинханову, несмотря на то, что Зая-пандите удалось разрешить сложные моменты и преодолеть недостатки общемонгольской письменности (к примеру, решить вопрос об обозначении долгих гласных, упорядочить написания согласных по числу согласных звуков в языке и т. д.), по ряду вопросов графики и орфографии в последующем возникли сложности. Вызвано это было тем, что письменность Зая-пандиты не в полной мере отражала разговорный язык, кроме того, остались не ясными некоторые моменты орфографии, касающиеся написания послелогов, падежных окончаний, выбора вариантов правописания непервых слогов, написания глагольных окончаний и т. п. Эти моменты в период деятельности Зая-пандиты и даже в более позднее время не были особенно актуальны для священнослужителей, которые старались сохранять архаичные формы, следовать орфографии переводов Зая-пандиты — священных для них книг [Котвич 1929: VI].

Исследование образцов деловой и частной переписки ойратов и калмыков со своими соотечественниками и официальными лицами Российского государства, начиная с XVII в., является одним из актуальных направлений современного ойратоведения. В. Л. Котвич отмечал, что в XVII в. ойратские племена при своем движении на север и запад из Джунгарии «приходили в непосредственное соприкосновение с различными административными пунктами Сибири, а затем и юго-восточной России, и это <...> порождало обширную переписку соответствующих воеводских управлений между собой и с Москвой, а также с ойратскими вождями» [Котвич I, 1919: 815, 821]. Первое упоминание об отправке ойратами письма к Тобольскому воеводе относится, по сведениям В. Л. Кот-

вича, к 1636 г. [Котвич III, 1919: 1199]. При этом до времени создания ойратской письменности (1648 г.) первые письма ойратских князей были записаны монгольским письмом, иногда «татарским» («ногайским», на деле — чагатайским) письмом или же в изложении по-персидски [Котвич III, 1919: 1200–1202]. На основе анализа ойратских и калмыцких писем XVII и первой половины XVIII в., хранящихся в российских архивах, В. Л. Котвич приходит к заключению, что все они большей частью «основываются на живом произношении и совершенно лишены тех архаизмов, которыми пестрят буддийские переводы Зая-пандиты» [Котвич III, 1919: 1204]. За последние десятилетия опубликованы коллекции писем правителей Калмыцкого ханства XVIII в. из фондов НА РК [Сусеева 2003; 2009; Письма наместника... 2004]. Изучение светской переписки позволяет заключить, что приблизительно с середины XIX в. в ней явно прослеживается «естественное стремление к тому, чтобы приблизить орфографию к современной речи» [Котвич 1929: VI]. Ц.-Д. Номинханов указывает на то, что уже в деловых бумагах XVIII в., во времена Аюки-хана, писали близко к разговорной речи [Номинханов 1976: 11]. Это особенно проявилось в образцах эпистолярного жанра, таких как письма, грамоты, прошения, разного рода отчеты и прочее. Совершенно не случайно Ц.-Д. Номинханов выделяет два периода письменности Зая-пандиты: «ранний» (XVII–XVIII вв.) и «поздний» (XIX–XX вв.) [Номинханов 1976: 14]. Для первого характерно присутствие архаизмов монгольского письменного языка, для второго — сближение письменности с народной речью [Номинханов 1976: 14]. Несмотря на то, что ученый придерживался мнения, что «язык религиозной литературы почти остался в застывших формах, раз установленных Зая-Пандитой и его школой» [Номинханов 1976: 14], изучение дальнейших этапов распространения и бытования ойратской письменности у калмыков показывает, как исторические события вносили свои коррективы в этот процесс.

В целом можно отметить, что калмыцкие гелюрги и в светской деловой переписке прибегали к нормам ойратской (зая-пандитской) письменности. Конечно, это не уставное письмо религиозных книг, выполняемое каламом, их графике присущи

довольно тонкие штрихи на всем начертании графем (букв), нет характерных утолщений. Слова в пределах одной вертикальной строки записаны на равном отрыве друг от друга. В написании отдельных графем (букв) нет размашистых штрихов, которые перекрывали бы соседние строки, как это можно наблюдать в других письмах.

Поскольку данные орфографии являются важным аспектом описания и датировки письменных источников XVII в. и вплоть до начала XX в., не менее важным представляется восстановление хронологии реформирования письма у калмыков. На первый взгляд, в этом вопросе все очень прозрачно: если в каком-либо ойратском тексте систематически обнаруживаются какие-то одни правила, — значит, этот текст можно отнести к тому периоду, когда эти правила были приняты, стоит только знать периоды или даты, в которые устанавливались данные орфографические правила или применялась данная графико-орфографическая система. Но на деле не все так просто и однозначно, поскольку даже принятые в определенные периоды с известной или приближенно установленной датой правила письма проходили долгий путь, уточнялись, дополнялись, а в интервалах между периодами усовершенствования графики и орфографии наступало безвременье, когда каждый писал так, как ему представлялось правильным.

Таким образом, прежде чем выискивать в каком-то тексте определенный набор написаний, начертаний и прочего, надо четко представлять, когда и какие правила и уточнения принимались. Не редки случаи, когда эти замены были кардинальными: одно отменялось, взамен предлагалось другое, в последующем дополнявшееся. Знание всех этапов эволюции калмыцкой письменности и в плане установления хронологических рамок, и в содержательном плане позволит судить о текстах на буддийскую тематику, как древних, так и новых, воспроизводимых, имевших хождение в среде калмыков на протяжении нескольких столетий.

Когда речь заходит о датировке определенного письменного источника на *тодо бичг*, перед исследователями может встать достаточно непростая задача, поскольку приходится решать не одну, а сразу несколько:

— во-первых, любой текст включает в себе определенное сочинение (произведение), а значит, у него должен быть автор, а у рукописи — переписчик, т. е. с вопросом датировки тесно связана проблема авторства и копирования. В этом плане может помочь установление того, является ли данное сочинение каноническим, что можно выявить по имеющимся исследованиям канонических сводов, каталогам, описаниям его различных изданий на разных языках;

— в тексте может содержаться дата его создания согласно лунному календарю, принятому в буддийской традиции;

— установление протографа (основного источника) при условии, если речь идет о разрозненных сочинениях, а не в составе какого-то сборника (сумбума — собрания сочинений одного автора);

— данные колофона могут содержать сведения о:

а) писце (переписчике);

б) заказчике;

в) лице, прочитавшем текст в более поздние периоды.

Эти имена иногда сопровождаются данными о субэтнической принадлежности того или иного автора, переписчика, заказчика;

— в вопросе датировки списка (копии) могут послужить и дополнительные косвенные формальные данные (разновидность бумаги, материал записи и прочее).

В силу того, что многие, если не большая часть таких текстов, не имеют колофонов, а значит, не содержат указаний имен, дат и других сведений, это значительно затрудняет их датировку, введение в историческую канву, отображение в истории буддийской книжности, книжной культуры калмыков. Для калмыков особенно актуальны данные вопросы в силу складывавшихся на протяжении всего XX в. исторических событий (политики атеизации, гонений на служителей религии, репрессий, депортаций), не способствовавших сохранности письменных раритетов. По этой же причине не могли остаться в целостности хурульные библиотеки, хотя живы предания о том, что определенная часть сакральных книг была спрятана. Закономерным явлением было и появление «новоделов», это было веянием времени: религиозных текстов, имеющих отношение

к сакральным ритуалам и обрядам, не осталось, а потребность в них со стороны священнослужителей и верующих мирян оставалась высокой. Этим и было продиктовано стремление гелюнгов и манджиков (послушников) восполнить эту лакуну. Если у ойратов Западной Монголии вплоть до начала XX в. сохранялась традиция создания рукописной книги [Батсуурь 2008: 23–30], то сведений о том, как было поставлено книжное дело у калмыков и вообще имелось ли оно, в специальной литературе мы не находим [Корсункиев 1977; Ефремова 1980; Сартикова 2009]. Традиции создания рукописной книги был нанесен невосполнимый урон, не осталось авторитетных наставников-каллиграфов, поэтому одни полагались на собственную память, другим ничего не оставалось, как прибегнуть к копированию, воспользовавшись имеющимися в наличии образцами рукописей и ксилографов. Следует признать, что даже и эти образцы могли быть составлены, в отдельных случаях воспроизведены по памяти с определенной долей отступлений от «ясного письма» и классического тибетского письма.

В заключение отметим, что дальнейшее исследование всего корпуса письменных памятников, сохранившихся в Калмыкии вплоть до начала XXI в., откроет новые страницы истории книжной культуры калмыков, будет способствовать пониманию роли и места буддизма в истории, культуре и литературе монгольских народов.

Источники

Biography 1967 — Biography of Caḡa Pandita in Oirat Characters (Rabjamba ᠰaḡ-a bandida-yin tuḡji saran-u gerel kemekü ene metü bolai). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen / предисл., транслит., издание текста Ж. Цолоо // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1967. 101 х.

Dzan. 1 — *’Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po’i mdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке // НА КалмНЦ РАН. Ф. Д-15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. 1. Ед. хр. 20. 293 л.

Dzan. 2 — *’Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po’i mdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке, выполнен красной тушью // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Оп. 1. Ед. хр. 1. 172 л.

Üliger-ün dalai — *Üliger-ün dalai-yin neretü sudur orusibai* «Море притч» / пер. Ширээт-гуши-цорджи. Ксилограф на монгольском языке, бурятское издание // НА КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). (Поступил от Я. Л. Шодорова в 1987 г.) Оп. 1. Ед. хр. 193. 284 л.

Oülgurun dalai — *Oülgurun dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на «тодо бичиг» // НА КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). (Поступила от О. М. Дорджиева в 1968 г.) Оп. 1. Ед. хр. 2. Тетр. 1–4. 289 л.

Литература

Бадмаев А. В. Зая Пандита (списки калмыцкой рукописи «Биографии Зая-Пандиты»). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 75 с.

Бадмаев А. В. Калмыцкая литература XVIII века // История калмыцкой литературы: в 2 т. Т. 1: Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 227–245.

Батсуурь А. Тод үсгийн ном судрын тархац ба бичиг үсгийн соел (О распространении письменных источников на «Ясном письме» и письменная культура) // Тод үсэг – 360. Ховд: «Соембо принтинг» ХХК, 2008. Х. 21–30.

Гедеева Д. Б. Жанр буддийских посланий в письменной и устной традициях калмыков // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 63–66.

Ефремова В. Ф. Из истории религиозного образования в Калмыкии // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста: КНИИЯЛИ, 1980. С. 44–50.

Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Вост. лит., 1972. 229 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).

Корсункиев Ц. К. Программа обучения в школах при калмыцких хурулах // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 70–78.

Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. Сер 6. Т. XIII., 1919. Вып. 12–15. С. 791–822; Вып. 16–18. С. 1071–1092, 1199–1214.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Ржевнице у Праги: Калмыцкая комиссия культурных работников в Чехословацкой Республике, 1929. 418 с.

Лувсанбалдан Х. Тод үсгийн барын ном болон Зая бандидын орчуулгын тухай дахин мэдээлэх нь // Хэл зохиол судлал. Т. VII. Fasc. 11. Ула-

анбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1970. Х. 297–300.

Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.

Лувсанбалдан Х., Бадмаев А. В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл» // 320 лет старокалмыцкой письменности: матлы науч. сессии. Элиста: Рес. тип. управления по печати при СМ КАССР, 1970. С. 80–93.

Меняев Б. В. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса // Монголика-ХVII: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 61–64.

Михайлов Г. И. Ойрдын утга зохиолын тухай // Монголын уран зохиолын тойм. II / ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. Х. 180–201.

Музраева Д. Н. Гимны-славословия из тибетской коллекции КИГИ РАН // Российское монголоведение. Бюллетень 5. М.: ИВ РАН, 2001. С. 266–278.

Музраева Д. Н. О молитвенных текстах дхарани (по материалам тибетской коллекции КИГИ РАН) // Монголоведение. № 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 46–68.

Музраева Д. Н. О коллекции буддийской литературы гавджи Тогмед-Очира (Тугмюда гавджи) (1887–1980) // IX Межд. конгресс монголоведов (г. Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.): сб. док. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 293–297.

Музраева 2012a — *Музраева Д. Н.* Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgurun dalai* «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 167–185.

Музраева 2012б — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева; науч. ред. А. А. Бурькин. Элиста: Джангар, 2012. 224 с.

Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: Джангар, 2013. 150 с.

Намжавин С. Тод үсгийн түүхийн хөгжлийг үелэн хуваах асуудалд // Монголоведение. № 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 68–81.

Номинханов Ц.-Д. Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 1976. 140 с.

Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / пер. со старопись. монг. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: Ин-т востоковед. РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.

Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем / издание текстов, введение, транслит., пер., словарь Д. Б. Гедевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.

Раднабхадра. Лунный свет. История Рабджам Зая-Пандиты: факсимиле рукописи / пер. с ойр. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина, транслит., предисл., коммент., указ. и прим. А. Г. Сазыкина. Серия: Памятники культуры Востока. Т. 7. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.

Сазыкин А. Г. О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-Пандиты // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Ч. 1. М.: Вост. лит., 1977. С. 134–140.

Сазыкин А. Г. Рукописная книга в истории культуры монгольских народов // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. М.: Наука, 1988. С. 423–464.

Сартикова Е. В. Религиозное образование // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 3. С. 377–380.

Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2003. 456 с.

Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.

Түвшинтөгс Б. Тод бичгээрх бар хэвлэлийн уламжлал // Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед века: мат-лы рос.-монг. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2014 г.). СПб.; Улан-Батор: Admon, 2015. С. 165–178.

Хүрэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудалд). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1995. 159 х.

Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ // Монголоведные исследования. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1983. С. 116–131.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.